

«Я волком бы выгрыз бюрократизм...»

Не может и не хочет советский человек мириться с недостатками в работе любого учреждения.

Время от времени в печати встречаются сигналы о фактах волокиты, о плохой организации приема посетителей, о невнимании к жалобам трудящихся. В одном случае оттягивают решение вполне ясного вопроса; в другом — затеяли нудную переписку там, где все понятно с полуслова; в третьем случае — заставляли людей часами ждать приема, теряя зря время, силы...

Различные факты, различные по значению, по масштабам. Но природа их всегда одна: забвение долга перед народом!

Законно, вполне обоснованно возмущение трудящихся, вызванное подобными фактами. Высокая требовательность к работе каждого звена советского аппарата воспитана в нас партией Ленина — Сталина. Весь строй нашей жизни, самый воздух нашей великой страны таковы, что не можем мы никому прощать плохой работы.

День ото дня улучшается наша жизнь, идет в гору страна Советов. Мы хотим, чтобы требования жизни отвечали нашей советской аппарату. Мы негодим, когда встречаем примеры отношения к людям, противного природе нашего общественного и государственного строя.

Постыдная история случилась недавно в Иваново.

Работники Фрунзенского районного отдела социального обеспечения обличены в самом тяжком для советского служащего проступке — в нечестности, в забвении своего долга, в преступной волоките. Длительное время задерживали они выдачу пенсии Вале Чистяковой, слабой девочке, дочери погибшего воина. Несколько лет мать девочки обивала пороги учреждения, но толку добиться не смогла.

Работник написал в ивановскую областную газету «Рабочий край». Письмо, озаглавленное «История одной волокиты», вызвало возмущение читателей, судьба Вали Чистяковой взволновала ивановцев. Но взволновала она только заведующего Фрунзенским райбюро Боровкова и п. о. председателя исполкома Фрунзенского райсовета Алешнева.

Критику они встретили в стычки. Придвинули в формальном поводе — в райбюро, видите ли, лишь подпол (1) лежал письменное заявление девочки, — эти районные «деятели», защищая честь своего мундира, стали оспаривать истину.

Потребовали специальное решение исполкома областного совета, чтобы прекратить волокиту и наказать виновных.

Нельзя не задуматься: как могло подобное случиться в нашем советском городе? Как могли холодные, черствые люди руководить учреждением, созданным советской властью — самой справедливой, самой человеколюбивой властью в мире! Таким учреждением, которое существует, чтобы оберегать покой стариков, инвалидов, детей — отделом социального обеспечения!

Ответ ясен: причина этого уродливого явления — отсутствие критики и самокритики в одном из звеньев аппарата.

А когда критика находится в загоне, тогда тупой, черствый, равнодушный чинуша нет-нет да и вылезет из какой-нибудь аппаратной щели, мешая нам работать.

«Дело» Вали Чистяковой — исключительное, из ряда вон выходящее. Чернильная душонка — урод в нашей советской семье. С ним разговор короткий: как призывает Маяковский — «Я волком бы выгрыз бюрократизм».

Чаше, куда чаще встречаются работники, оторванные от живого дела потому, что зарылись в бумаги, задавленные «текушкой», прозабывшиеся. Многие из них пренебрегают своим долгом от потери перспектив, от забвения ответственности, порой от зазнайства.

Сидит такой человек за столом, строчит

отписки, а там люди ждут — с жалобами, с делами, с предложениями:

— Ничего, подождут...

Вызвал такой человек на прием, а сам улизнул:

— Ничего, пригласят еще раз...

Указали такому человеку на ошибки, на порочность его

стиля работы, — сейчас же

готова противная, бездушная фраза:

— Что ж, вас много, а я один...

Встряхнуть надо такого человека, поставить на место, разъяснить обязанности!

А об ином надо спросить: годится ли он для такой работы, где за бумагой надо видеть живого человека.

Советское учреждение — от большого и до малого — это учреждение принципиально нового типа. Ничего общего не имеет оно с бюрократической машиной государственного аппарата капиталистических стран.

Там, в мире капитализма, учреждения всегда отделены от народа высоким барьером, оно служит для угнетения народа.

У нас, в стране Советов, в великой стране демократии, каждое учреждение — от союзного министерства до скромной конторы — тесно связано с народом, предназначено для его обслуживания, для защиты его интересов, для удовлетворения его нужд. Для этого оно и существует!

Партия, государство, весь народ требуют четкой, инициативной, слаженной, культурной работы каждого звена аппарата.

Всегда чувствовать жизнь во всей ее полноте, не отставать от общего движения вперед. Четко и тщательно проверять исполнение. Смело принимать решения, не перекладывая ответственности на другие плечи. Меньше писанины, больше в жизни, к гуще масс. И всегда, во всех областях нашего строительства, руководствоваться одним принципом: заботиться об интересах государства, об интересах советских людей. Потому что интересы государства и народа неотделимы. Именно таким должен быть стиль нашего учреждения.

Советский работник — работник для народа. Советский служащий — слуга народа.

И мы хотим, чтобы слуги народа служили хорошо.

Чтобы создавали всю меру своей ответственности, на каком бы посту ни находились.

Чтобы всегда вникали в суть дела, чтобы всегда работали творчески, с душой, с ономом.

И чтобы никогда никакие бумаги, «входные» и «исходящие», никакие списки и отчеты не заслоняли человека.

Вспомним вдохновенные слова Максима Горького:

«Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства».

К этому маленькому, но великому человеку, работнику своего государства, который скромно делает как будто незначительное, но immense огромное историческое значение, — к нему я обращаюсь с моим искренним приветом.

Товарищ! Знай и верь, что ты — самый необходимый человек на земле. Делая твоим маленьким делом, ты начал создавать действительно новый мир».

Каждый «винтик» советского аппарата — самый необходимый человек на земле!

И делопроизводитель, и секретарь, и машинист. Начальник учреждения и машинистка. Заведующий отделом и ответственный исполнитель...

Все они — ответственны перед народом.

Испытанное средство борьбы с недостатками, могучее оружие воспитания кадров — это общественная критика и самокритика. «Товарищ Сталин учит, что без самокритики мы не можем двигаться вперед, самокритика нам нужна, как воздух, как вода, что сила большинства в том, собственно, и состоит, что он не боится критики и в критике своих недостатков черпает энергию для дальнейшего продвижения вперед» (Маленков).

Связь с массами, укрепление этой связи, готовность прислушиваться к голосу масс — вот в чем сила и необходимость большинства руководств. Так учит советских людей товарищ Сталин.

Итальянские власти выписали из США усовершенствованные автоматы и применяют их для разгона рабочих демонстраций.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Новейшая автопомпа американской конструкции

Древние римляне уверяли, что музы молчат, когда говорят музы. Музы должны теперь поднять свой голос, они должны говорить для того, чтобы не заговорило оружие.

Я обращаюсь к тем писателям Запада, которые вилат жизнь не так, как мы, которые часто по-другому чувствуют и по-другому думают. Я обращаюсь не к единомышленникам, я обращаюсь ко всем честным писателям Запада, к социалистам и к индивидуалистам, к реалистам и к мистикам, к ревнителям прошлого и к новаторам. Я не предлагаю им присоединиться к моим социальным, политическим или эстетическим взглядам. Я не предлагаю им выступить за одну политическую партию против других или за одно государство против другого. Я не предлагаю им осудить то или иное правительство за его внутреннюю или внешнюю политику. Я предлагаю им нечто другое, для них приемлемое: я предлагаю им выступить против атомного оружия, против бомб и супербомб, угрожающих всем людям; я предлагаю им присоединиться к требованию сторонников мира о безоговорочном запрете атомного оружия и о контроле над выполнением этого запрета; я предлагаю им осудить то правительство, которое первым осмелится сбросить атомную бомбу на жителей какой-либо страны.

В обращении, принятом третьей сессией Постоянного комитета сторонников мира, нет ни камуфляжа, ни хитрости, ни призрачного полета. «Секрет», связанный с изготовлением атомного оружия, давно не является монополией какого-либо одного государства. Требуя запрещения атомного оружия, мы требуем его запрещения во всех государствах, где оно изготовляется или может начать изготовляться. Мы не признаем осуждения правительства той или иной страны, мы признаем осуждение правительства, которое посмеем первым прибегнуть к оружию массового

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 28 (2619)

Среда, 5 апреля 1950 г.

Цена 40 коп.

МИР ПОБЕДИТ ВОЙНУ!

Открытое письмо писателям Запада

Илья ЭРЕНБУРГ

Недавно закончилась третья сессия Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира. Участники этой сессии обратились к призывом «ко всем честным людям, которые, независимо от характера их взглядов на причины создавшегося сейчас напряженного международного положения, ощущают тревогу по этому поводу и серьезно желают восстановления мирных отношений между народами».

Участники сессии подписали обращение и предложили всем честным людям поставить под ним свои подписи. Я нахожусь в числе тех, кто подписал. «Мы требуем безусловно запретить атомное оружие, как оружие агрессии и массового уничтожения людей, и установить строгий международный контроль за исполнением этого решения. Мы будем считать военным преступником то правительство, которое первое применит атомное оружие против какой-либо страны. Мы призываем всех людей доброй воли во всем мире подписаться под этим воззванием».

Многие писатели Запада уже подписались под этим воззванием. Я обращаюсь к тем, которые колеблются, которым напечатают, что за воззванием сторонников мира скрыта политическая интрига, которых уверяют, будто голубка мира напоминает пресловутого троянского коня.

Почему я обращаюсь к писателям? Прежде всего потому, что я писатель. Я знаю, что писатель понимает значение своей подписи, он понимает, что его слушают и к нему прислушиваются миллионы читателей, он не только видит, он и предвидит, он не только описывает, он и предписывает, на его плечах лежит огромная ответственность.

Писатель, который пишет книгу, ответственен за все книги, написанные до него, за книгохранилища всего мира, за великие ценности прошлого. Писатель, который описывает простую человеческую любовь, ответственен за всех возлюбленных мира, за все колыхания, за все сады. Писатель, который говорит с людьми, ответствен за всех людей. Может ли теперь писатель промолчать, заткнуться, предать ребенка, человеческое счастье, древние камни, судьбу культуры?

Я обращаюсь к писателям потому, что за каждой подписью писателя последуют тысячи подписей его читателей. Мы можем сказать, что никакие подписи не способны предотвратить войну, не способны защитить людей от бомб и от супербомб. Такие возражения мне кажутся неприемлемыми и недостойными писателя.

Давно миновали те времена, когда войны вели обособленные касты. Я не думаю, чтобы теперь можно было бы воевать против воли народов, против воли простых людей. Подписи под обращением, осуждающим атомное оружие, — это не только лист, бумаги с пером имен американцев и русских, англичан и французов, итальянцев и поляков, китайцев и индийцев. Подписи означают решение, волю, обет миллионов и миллионов людей. Мы знаем, что различные совещания дипломатов не привели ни к какому решению. (Я сейчас не стану подчеркивать, по чьей вине). Мы видим, что угроза применения атомного оружия против неповинных людей с каждым днем возрастает. Мы видим, что над человеческой культурой повисла еще невиданная опасность.

Древние римляне уверяли, что музы молчат, когда говорят музы. Музы должны теперь поднять свой голос, они должны говорить для того, чтобы не заговорило оружие.

Я обращаюсь к тем писателям Запада, которые вилат жизнь не так, как мы, которые часто по-другому чувствуют и по-другому думают. Я обращаюсь не к единомышленникам, я обращаюсь ко всем честным писателям Запада, к социалистам и к индивидуалистам, к реалистам и к мистикам, к ревнителям прошлого и к новаторам. Я не предлагаю им присоединиться к моим социальным, политическим или эстетическим взглядам. Я не предлагаю им выступить за одну политическую партию против других или за одно государство против другого. Я не предлагаю им осудить то или иное правительство за его внутреннюю или внешнюю политику. Я предлагаю им нечто другое, для них приемлемое: я предлагаю им выступить против атомного оружия, против бомб и супербомб, угрожающих всем людям; я предлагаю им присоединиться к требованию сторонников мира о безоговорочном запрете атомного оружия и о контроле над выполнением этого запрета; я предлагаю им осудить то правительство, которое первым осмелится сбросить атомную бомбу на жителей какой-либо страны.

В обращении, принятом третьей сессией Постоянного комитета сторонников мира, нет ни камуфляжа, ни хитрости, ни призрачного полета. «Секрет», связанный с изготовлением атомного оружия, давно не является монополией какого-либо одного государства. Требуя запрещения атомного оружия, мы требуем его запрещения во всех государствах, где оно изготовляется или может начать изготовляться. Мы не признаем осуждения правительства той или иной страны, мы признаем осуждение правительства, которое посмеем первым прибегнуть к оружию массового

уничтожения людей. Это не приговор, это — предупреждение. Подписав воззвание, мы обратились ко всем людям доброй воли. Я думаю, что тот, кто выступит против нашего требования о запрете атомного оружия, тем самым выдает свои преступные замыслы. Я думаю, что тот, кто не захочет назвать преступниками людей, которые посмеем применить это оружие, тем самым обнаружит свои бесчеловечные намерения.

Я приглашаю вас, писатели Запада, присоединиться к нашему беспристрастному обращению, провозглашающему гуманизм и тревогу за цивилизацию.

Я думаю сейчас о некоторых писателях Запада, которые не могут сочувствовать плану массового истребления людей, но которые до сих пор, насколько я знаю, не выступили против атомного оружия. Я позволяю себе обратиться к каждому из них, считая, что эти личные обращения еще более уточнят сущность моего призыва.

Я обращаюсь к вам, Эрнест Хемингуэй. Вы знаете, как я ценю ваш дар, об этом я писал. Почти все ваши книги переведены на русский язык и хорошо известны советским читателям. Но я сейчас обращаюсь к вам не только потому, что вы писатель, которого я люблю. Я встречаюсь с вами в осязаемом Мадриде, когда преступники безжалостно убивали бомбами испанских детей. Вы тогда справедливо возмущались кутюрой людей, которые приехали наслаждаться миром испанского народа. Я помню и другое: когда итальянские фашисты напали на Эфиопию, вы выступили со статьями, полными негодования. Вы любите итальянский народ, но вы знали, что правитель Итальи, напавшие на Эфиопию, совершили тяжкое преступление. Вы знали также, что за Аддио-Аббейю последует Мадрид, а за Мадридом — Париж и Лондон. Многие нас теперь раздвелят, но я не хочу с вами спорить. Я обращаюсь к писателю Эрнесту Хемингуэю, пережившему трагедию Мадрида: можете ли вы молчать, когда бесчеловечные люди не скрывают своего намерения сбросить атомные бомбы или супербомбы на мирные города, на женщин, на детей, на стариков? Ваша подпись не может не стоять под требованием полного и безоговорочного запрета атомного оружия.

Я обращаюсь к вам, Роже Мартен дю Гар. Я долго хранил ваше прекрасное письмо, в котором вы осуждали вражду и говорили добрые слова о моем миролюбивом народе. Мне пришлось это письмо сжечь — в Париже, когда в город вошли фашистские захватчики. Вы наверняка знаете, что ваша эпопея «Семья Тибо» хорошо знакома нашим читателям. Все ваше творчество отмечено гуманизмом, любовью к простым людям, и это позволяет мне обратиться к вам. Я позволяю себе напомнить вам, что наш общий друг Жан-Ришар Блок много раз говорил об «ответственности таланта». Он говорил, что, когда миру грозят величайшие бедствия, писатель не вправе спрятаться, отвечая: «Это меня не касается». Вы до сих пор не сказали, что вы думаете о повисшей над человечеством угрозе. Мне кажется, что вы должны присоединиться к требованию о запрете атомного оружия: это требование не какой-либо одной партии, это требование человеческой совести.

Я обращаюсь к вам, Джон Б. Пристли. Мы с вами не знакомы, но вы любознательно сопровождали английский перевод моих статей военного времени вашим предисловием. В этом предисловии вы говорили, что пените писателя, выступившего против военных преступников. Не думаете ли вы, Джон Б. Пристли, что писателям необходимо выступить против военных преступников до того, как ими совершено преступление, и тем самым попытаться это преступление предотвратить? Несколько лет тому назад вы были в Москве, вы наверняка успели заметить, что все хорошо знают наши читатели и театральные зрители. Когда я вернулся из Парижа после Конгресса сторонников мира, советские люди меня спрашивали, участвовал ли вы в наших работах. Я не знал, как объяснить им ваше отсутствие. В Париже мне сказали, что вы отказались приехать на конгресс, потому что вы устали и потому что не верите в успех подобных совещаний. Я тоже устал, Джон Б. Пристли, я устал от многого: от той войны, которую я описал в книге, украшенной вашим предисловием, и от той войны, которую готовят теперь люди, думающие о своих частных интересах. Я вполне согласен с вами: приятнее писать романы или пьесы, нежели выступать на конгрессах или на конференциях. Но я до могу уклониться от ответственности перед моими читателями, и хотя я тоже устал, я обращаюсь к вам. Конечно, я не могу вам поручиться, что наше обращение остановит злоумышленников, но я вам ратуюсь, что если вы не выступите против атомного оружия и не поставите вашей подписью под нашим воззванием, вы не простят этого вашим читателям — ни в Москве, ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке.

Я обращаюсь к вам, Эзра Паунд. Вы были в Советском Союзе, когда наци-

сты напали на нас. Вероятно, вы помните, как мы случайно оказались в одном бомбоубежище: преступники тогда бомбили Москву. Вы хорошо рассказывали, смеялись, и летняя ночь прошла незаметно. Но вы не только смеялись тогда, вы негодовали. Вспоминая это, я обращаюсь к вам: мы должны подписать наше обращение. Вы много и хорошо писали о горе простых людей Америки. Неужели вы не выступите, чтобы огорчить этих людей от самой страшной беды? Я отнюдь не требую, чтобы вы разделяли мою точку зрения на происходящие мировые события: я не юноша и понимаю, что ни открытыми, ни закрытыми письмами нельзя переубедить писателя, его переубеждает только жизнь. Но я хочу другого: осудить людей, помнящих об уничтожении мирных городов. Если у вас остались добрые воспоминания о Москве, защищавшейся против фашистов, вы можете вспомнить Москву. Но это отнюдь не обязательно. Зато для вас обязательно подумайте о судьбе американских городов и американских детей. По-моему, вы должны подписать наше обращение.

Я обращаюсь к вам, Андре Шамсон. Нас связывает давняя дружба. Вы были в осязаемом, окованном Мадриде. Вы человек глубоко мирный и невидящий войны, но когда преступники захватили вашу страну, вы примкнули к Сопротивлению, вы воевали. Под нашим обращением стоят подписи французских писателей разных взглядов: рядом с Арагоном стоит подписи Марлен-Шодфе. Можете ли вы не подписать это обращение? Наши читатели знают ваши романы о жизни крестьян любимой вами горной области Севенны, ваш «Кладзь чудес», показывающий бели, пережитые Францией от фашистов. Я убежден, что судьбы ваших героев вам дороже, чем некоторым дипломатам или некоторым политикам. Вы любите искусство и много сделали, чтобы спасти замечательные памятники прошлого. Нельзя некоторые газеты, выходящие в другой части света, не читали статьи: «Что останется от Парижа после того, как на него упадет супербомба». Из этих статей явствовало, что от Парижа не останется ничего, что погибнут и Лувр, и собор Парижской богородицы, и Национальная библиотека, и музей Петит-Пале, директором которого вы состоите. Я сейчас не стану разбирать, сколько правды и сколько бахвальства в таких статьях. Допустим, что преступники могут разрушить Париж. Но вы знаете, как и я, что построить его они не могут: для этого нужна река труда, творческий гений народа. Я убежден, что вы выступите против людей, просящих о бомбах и супербомбах. Вы захотите отстоять мир, спасти древние камни Парижа и детвору Севенны, вы подпишете воззвание.

Я обращаюсь к вам, Джон Стейнбек. Вы говорили мне, что нужно развезти предвоенный туман. Вы побывали недавно в нашей стране, и вы написали книгу о нашей поэзии. В этой книге вы говорили, что вам не понравилась советская пьеса, изображающая американцев, которые изгнаны из предвоенный туман. Это ваше дело. Я мог бы вам ответить, что мне не понравилась ваша книга о поэзии в Советском Союзе — она показала мне несколько поверхностной и легковесной, я ждал от автора романов «Люди и мыши» и «Гроздь гнева», которые кажутся мне глубокими и значительными. Но я не намерен сейчас заниматься критикой книг или пьес. Вы заметили (и вы об этом написали), что советский народ не хочет войны. Я полагаю, что американский народ также не хочет войны. Именно поэтому я приглашаю вас выступить против кутюры людей, строящих свое благосостояние на опасной и преступной игре с атомными бомбами. Я надеюсь, что вы не уклонитесь от нашего долга.

Я обращаюсь к вам, Альберто Моравия. Вы написали короткую книгу «Безразличные», вы показали в ней, как и в других ваших книгах, что вам далеко не безразличны судьбы простых людей Италии. Мы с вами о многом спорили в Риме. Но мы никогда не спорили об одном: о том, что необходимо предотвратить войну. Если я правильно понял ваши книги, если я правильно понял вас, вы обязательно поставите вашу подпись под воззванием, напечатанным против атомного оружия.

Я называю немногих, но я обращаюсь ко многим: ко всем вам, честные писатели Запада, каких бы взглядов вы ни придерживались. В час величайшей опасности для всех людей, для всех народов, для всей культуры вы не можете больше молчать. Наме воззвание подписывают каменистые и стальные, тачки и винтокрылы, фермеры и учителя, инженеры и агрономы. Не пропустите часа: писатель должен опережать других. Голос людей, которых называют «человеческой совестью», должен прозвучать особенно громко, особенно отчетливо. Мне может не нравиться многое из того, что вы пишете. Вы можете критиковать или отвергать книги советских авторов. Однако и вам и нам нужен мир: он нужен всем народам, он нужен искусству. Я хочу сохранить веру в человечество, в лучших писателей Запада. Эту веру разделяют многие читатели, и вы не должны ее обмануть. Вы должны выступить с простыми, спокойными и строгими словами: запрет атомного оружия, предупреждение тем, кто замыслил убийство миллионов безвинных людей, мир всем материкам, всем городам и всем детям!

Международные

отклики

ИСТЕРИКА

ЛОРДА-ПРОВОКАТОРА

Говорят, что в древних айгильских замках, еще не вывезенных заграничными любителями старины в Калифорнию или Оклахому, частенько появляются привидения. Иногда они посещают впечатлительных домовладельцев по собственной инициативе, но чаще все-таки прибегают по вызову последних. Нужно признать, что дело с привидениями, конечно, не без американской помощи, поставлено в Англии на широкую ногу.

29 марта многие лондонские газеты зафиксировали появление в палате лордов дипломата Роберта Джайлберта Ванситарта, которого большинство британцев уже давным-давно считало отошедшим в политическое небытие.

Но лорд жив! И вот он поднялся на трибуну, чтобы произнести антикоммунистическую речь, напомнившую слушателям выступления покойного Форреста.

Биография ретивого мракобеса, который добросовестно разжигал войну на всем протяжении своей дипломатической карьеры, полностью удовлетворяет господ с Уолл-стрит. Это они вызвали сие привидение из небытия.

Ванситарт открыл прения в палате лордов. Собственно говоря, он слово в слово повторил основные положения речей истерических речей американского сенатора Маккарти, утверждающего, что государственный департамент США находится под влиянием коммунистов. Лорд начал с призыва к крестовому походу против коммунистов, потом перешел к клевете на деятельного прогрессивного движения и затем, как опытный провокатор, поддерживавший в свое время Муссолини в его захватнической войне в Абиссинии, заявил о том, что в государственном аппарате Великобритании просочились «покрытые аmentьми».

По словам Ванситарта выходило, что и университеты, и британская радиокорпорация, и даже англиканские церкви — все это находится в руках коммунистов. Членам палаты стало страшно...

Лорд-провокатор пытался доказать, что политика лейбористов ни в коем случае не может удовлетворить его одиномыслинников — консерваторов. Но тут же он проговорился, заявив, что речь Роберта Моррисона, призванного профсоюзом освободиться от коммунистического влияния, полностью соответствует и его, Ванситарта, убеждениям. Так еще раз матерый консерватор, помимо собственного желания, подтвердил прочное единение с лейбористами.

Разнузданная речь Ванситарта встревожила многих, далеко от симпатий к коммунизму, газеты. Так, например, газета «Рейнольдс иньюс» писала, что «Ванситарт оказывает плохую услугу, пытаясь превратить палату лордов в коммюнистическое собрание антианглийской деятельности... Если это войдет в привычку у благородного лорда и его примеру последуют другие благородные лорды, которые жалуют выйти из безвестности своего убогого и никому не нужного существования, пользуясь дешевой популярностью, то чем все это может закончиться?»

...Привидения появляются и уходят, не оставляя никаких следов. Но вот শেষ в трибуну Ванситарт, и трюном заломок потянуло из палаты лордов и со страниц газет, опубликовавших «трюнную» речь матерого поджигателя, одного из подручных мистера Черчилля.

Семен ГУДЗЕНКО

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕОНА БЛЮМА

Леон Блюм всю свою жизнь боролся против рабочего класса, против трудящихся. Даже последние часы его жизни были посвящены борьбе с Советским Союзом. Что же и кому писал этот матерый враг свободы в свои последние минуты?

Вместо завещания Блюм послал телеграмму де Гаспери с просьбой не допустить возвращения на родину угнанных гитлеровцами в неволю советских граждан — жителей Украины и прибалтийских республик, которые находятся сейчас в лагере перемещенных лиц в Фраскетти (Италия).

И французская ассоциация бывших заключенных в концентрационных лагерях протестует против этой очередной (и последней, только потому, что она обрывает жизнь) провокации Блюма, обращается к де Гаспери с требованием открыть ворота лагерей «перемещенных лиц» и не препятствовать их возвращению на родину.

За свою жизнь Блюм написал очень много. Можно сказать, что это горластый и злой петух писал всеми своими перьями. И каждое слово его было пропитано бешеной ненавистью ко всему тому, что творит и трутит.

Блюм называл Петена «самым гуманным из военачальников» и всеми силами способствовал передаче власти Петену.

От имени Блюма Лавалло было заявлено: «Мы не представляем себе услуг, которые мы, социалисты, сможем тебе оказать... По отношению к нам не потребуются цензуры».

А ведь давно известно, что главная трибуна Блюма — газета «Попюлер» существует на американские доллары. Но свидетелю итальянской газеты «Аванти» один видный английский финансист в верные посылки в США получил доллары на субсидирование антикоммунистических пропаганды в Европе, часть из которых была передана газете «Попюлер».

И вот Леона Блюма не стало. Горе ближайших родственников — социал-предателей не поддается описанию. Бевин и Смак Гл Молде и Шумхер оплакивают своего учителя.

Для друзей Блюма смерть его — несчастье. Для человечества несчастье — то, что другие Блюмы еще живы и действуют. Правые «социалисты» — злейшие враги мира и демократии.

М. СВЕТЛОВ

ВСЕГДА С НАМИ

Узкая лестница ведет на второй этаж, в небольшую четырехкомнатную квартиру. На стенах — плакаты, фотографии, стихотворные строки...

Мы в библиотеке-музее В. В. Маяковского. Еще не открыты после полуторного ремонта мемориальные комнаты, где с 1926 по 1930 год жил Маяковский, еще не готова новая экспозиция, но молодежь идет сюда прослушать лекцию, поговорить о творчестве любимого поэта.

В комнатах поэта все осталось так, как было при его жизни. Большой письменный стол-бюро, широкий диван, клетчатый плед на спинке кресла — в кабинете. Стол, горка с посудой — в столовой.

А в двух соседних комнатах, на небольших выдвинутых стеллах, в документах, фотографиях, цитатах воспроизведены даты жизни и творчества Маяковского.

Гражданская война. Маяковский в РОСТА. «Наступают всеянные Ленинки». Пишу и рисую. Сделал тысячи три плакатов и тысяч шесть подписей, — пишет о себе поэт.

Рукониси, черновики, автографы поэм и стихов: «Про это», «Владимир Ильич Ленин», «Во весь голос», «Близкая улитка», «Порядочный гражданин» и другие. Гигантский лист поэмы «Хорошо», которую автор считал «программной вещью» и над которой работал «сверхурочно», отдавая основное время сотрудничеству в газетах и журналах. Мы видим на фото около двух десятков корреспондентских билетов Маяковского — от «Комсомольской правды», «Известий», «Труда», «Крокодила» и т. д. Замечные книжки поэта. Их свыше пятидесяти. К сожалению, несколько книжек, о существовании которых известно исследователям, еще не разысканы.

В ближайшие дни библиотека-музей широко раскроет свои двери. Читатели, его «товарищи-потомки», снова заполнят комнаты, где все полно воинствующим духом, неутомимой энергией подлинного поэта-гражданина.

Конкурс на лучшее исполнение стихов поэта

В Государственном литературном музее в Москве открылся традиционный конкурс на лучшее исполнение произведений В. В. Маяковского. Конкурс посвящен 20-летию со дня смерти поэта и организован «Бригадой по изучению и пропаганде творчества Маяковского».

В конкурсе принимают участие сотни молодых рабочих, студентов и учащихся.

Новые документы о Маяковском

Эти документы хранятся в архивах сорок с лишним лет. Они воссоздают образ юного Маяковского — участника московского большевистского подполья и дают возможность уточнить многие детали жизни поэта в 1908 и 1909 годах, кисти сказать, необычайно скупо освещенных в литературе. Между тем, как раз эти годы имели огромное влияние на формирование мировоззрения поэта.

Перед нами 134 листа «Дела о В. В. Маяковском», заведенного московским окремленным отделением: протоколы допросов, найденные в делах департамента полиции; дознания секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора и московского градоначальника; жалобы полицейских чинов на «буйства» подростка-революционера.

29 марта 1908 года — день первого ареста Маяковского. В Ново-Чухомском переулке в Москве, на квартире наборщика Т. Трифоновой, обнаружена подпольная типография Московского комитета РСДРП (большевиков). Маяковский задержан с листовками, выпущенными типографией. И вот — протоколы его ареста и допроса в полиции, обыска, произведенного на квартире матери поэта Александры Алексеевны Маяковской, множество других документов, подробно рассказывающих о ходе следствия и поведении арестованного.

Маяковский освобожден «ввиду несовершеннолетия», но тут же взят под особый надзор полиции.

Великий город, знаменосец советской эпохи, — сколько тем дает художнику наша столица, наша красавица Москва! Растет, строится, с каждым днем все краше становится любимый город. И тема «Новая Москва», над которой я сейчас работаю, — для меня самая увлекательная.

Я несколько опоздала к изготовлению этого эстампа, — леса на замечательном здании, которое видит здесь читатель в газете, уже сняты. Дом вошел в строй. В меру своих сил и умения я старалась передать в этом эстампе очертания нового здания на площади Маяковского, новый облик нашей Москвы.

Художник Е. САХНОВСКАЯ

Подвиг помора Гагарки

О ЧЕРК

1 Кажется, сама история вышла из тихих залов музея, из архивов и библиотек на улицы этого небольшого поселка. Вдур прозябал она в стрелчатых окнах промышленного магазина — приятного, домашнего дома, где колыбелью воевала тыня некогда суд и расправу над сосланными пугачевцами, или открывался в печаном картере горы Соловараки серебряной монетой с изображением Митриата Понтийского, занесенной сюда, на берега студеного Баренцева моря, десять веков назад.

История подбиралась к самой школе и пролегла вокруг нее старинным крепостным ровом. Ров вырыли отшельники по велению Ивана Грозного. Сейчас он полузасыпан, в своих местах сдвинулся с земли. Но мальчишка полудит стоит на пригорке, представляя себе былую славуную битву. Поцарапан шведов подошел к острогу с запада, вон с той стороны, где сейчас районный клуб. Стрельня приняла неравный бой. Вот здесь, у нынешнего школьного крыльца, шла ожесточенная рукопашная схватка. Русские не пустились припавшим к земле. А могучие герои, сложившие свои головы во имя отечества, найдены совсем недавно, когда рыли котлованы для фундамента новой школы...

История буквально окружает колыхающийся. А ведь этого чудесного окружения мало и не быть. То есть, все оставалось бы на месте, но магазин был бы просто магазином, горы Соловараки — только посещаемым карьером, где строители берут песок, и даже старинный крепостной ров был бы обывательской, неизвестно кем и для чего вырытой канавой. Так оно, соб-

ственно, и выглядит все для непосвященного.

Значит, педагоги Москвы, Углича и Ярославля, Смоленска, Казани и Тбилиси, Киева, Севастополя и Сталинграда и многих других городов страны могут, если можно так выразиться, «открыть историю» своих воспитанников. Могут, ибо многими памятниками славы покрыта родная земля. И все они оживают, обретают особый смысл для ребят с приходящим умом, талантливым, знающему воспитателем.

2 О чем ни заговорил сегодня с юными краеведами Коль, начало их рассказов будет одно: «Александр Михайлович сказал...». «Александр Михайлович заметил...». «Александр Михайлович посовещал...». И если последовательно излагать историю помора Гагарки, то начинать следует с того же. Александр Михайлович Чарыгин, старый учитель физики, награжденный недавно орденом Ленина за многолетнюю безупречную работу, неутомимый колыхатель краевед, делал доклад в местном клубе об истории родного края.

В 1854 году, предположительно, в Кольский зал залез трехмачтовый английский корвет «Миранда», вооруженный четырнадцатью орудиями 36-фунтового калибра и двумя «бombs» — двухфунтового калибра пушками. Корвет шел под британским флагом.

Марс и Энгельс, — рассказывал учитель, — прилетели сдвинуться к развитию Крымской войны, так охарактеризовали действия англичан на Севере: «...осаждая эскадра занялась маленькими атаками на русские и японские десанты и разрушением жалкого имущества нищих рыбаков. Это позорное поведение английские и японские эскадры, чувствующей,

что она не может сделать ничего серьезного».

Итак, в августе 1854 года «естественное раздражение» англичан обострилось против маленькой затопленной крепости Коль. Подобой к ней на пушечный выстрел, англичане начали медленную, методическую, хладнокровную бомбардировку. Коль запылала со всех сторон. Но отдала берег: «Изначальная команда», составлявшая колыхатель гарнизон, открыла стрельбу из двух старинных пушек. Рыбачи, охотники, крестьяне, укрывшись в лесу, били по корвету из ружей. С марсов вражеского судна попадали в воду матросы. На берег англичане высадились не решившись.

В народе сохранилась память, — продолжал Александр Михайлович, — о рыбаке Гагарке, который помог нашим людям отстоять Коль. Рассказывают, что еще у входа в залив англичане захватили мешок с промислом, — рыбачью ловушку. Они не знали фазиса и приказали вынуть в плен рыбака по прозвищу Гагарка, статью у штурвала. Братья окружили его, смерть стояла у него за плечами, но выдержав вырвались из охвата родной земли. И Гагарка не изменил отчаяния. Он послал вражеский корвет на мель — Молотную коргу. Только в прилив, через много часов сумели англичане снять корабль с корги и подойти к Колье. В ярости расстреливали они героя на Каменном острове...

Два друга, два десятиклассника Олег Лыны и Коль Стрыгин, прослушав доклад, отразились на казине Каменного острова. Юношам хотелось найти могилу смелого героя. Ведь он, жертва жизни, спас колых, дал им время подготовиться к обороне. Это наш северный Иван Суусинен...

Долго бродили они по старинному кладбищу. То и дело тут прерывались заросли мхом воронки — следы недавно развалившегося аэробом. Из-за сопки подымалась скалозвонная зарево. Но побуждаемые причудливыми голубоватыми лентами, и колышущимися тени ползли по земле. В отблесках полуденного солнца друзья увидели английскую палубу на черном камне. Текст читался «тумно, но дату они разобрали сразу: «1918 год».

Нет, не раскрывала эта мопыльная плита тайны помора. Но в удивительном смещении времени и эпох, сложившемся здесь, юноши почувствовали нечто большее — исторический смысл подвига Гагарки предстал перед ними. На острове, где он был убит англичанами в 1854 году, — могла английская интервенция, пришедшая на нашу землю в 1918 году. Рядом — воронка, последний след беслава немого нашествия. И над всем этим — северное сияние, подчеркивающее суровую красоту родного края, на который зарпился враг... Выстояла, отбоялась, окрепла Коль, как и вся наша великая Родина, за которую отдал свою жизнь помор Гагарка.

3 На первый взгляд в работе юных краеведов не произошло существенных изменений после того памятного дня. Александр Михайлович сказал, что на валу близ школы стояла когда-то пушка, — ребята начали «самые настоящие» археологические раскопки. Пушку не обнаружили, но Александр Михайлович заметил в глубине земли три слоя обуглившегося дерева, золь и пепла. Значит, три раза Коль выгорала от вражеских набегов и всякий раз возрождалась вновь. Александр Михайлович посоветовал...

По тут странный план краеведческих занятий был нарушен самым непредвиденным образом. В один прекрасный день на школьном дворе появился рослый мальчик из Досарма. В руках его был миноскаль. Впереди с торжествующим видом неслись все тот же Олег, а с ним — Ваня Ситников — ученик 9-го класса. Юноши отправились в Досарм, рассказали о Гагарке и попросили помощи в своих раскопках. Может быть, и старинная пушка отзовется в электромагнитном шуме современного миноскаля?

Александр Михайлович приветствовал самостоятельный поиск ребят. Старый учитель был страстным краеведом, но, прежде всего, он был отличным воспитателем. И именно отсюда — все его краеведческие успехи. Учитель знал, что предел энергии ребят, занятых большим,

полезным делом, уверовавших в важность затейного.

Пушка, из которой были припавшие отдаленные колыхе, была найдена. Она покоилась близ берега, на промерзшем дне залива. Казалось, невозможно вынуть ее из столетнего льда. Но на берег залива пришел мощный гусеничный трактор. Тракторист из МТС священнодействовал своими рычагами. Машина дрогнула, треск нагнулся, пушка покачнувшись и под обильным тоном, под дружным крик «ура!» медленно поплыла вверх.

С этого дня рыль юных краеведов начали заметно пополняться. Горюист пионерского отряда, десятиклассник Витя Вахонин нашел в земле и принес в школу старинный боевой топорик, кинжал и осколок меча. Подружки-восьмиклассницы Людмила Малахасян и Людмила Левитская открыли таинственный подземный ход и притащили Александру Михайловичу ствол «крымки» — ружья времен Крымской войны. Школьный музей пополнялся чуть не каждый день.

Александр Михайлович любил решать спорные вопросы коллективно. Вот, к примеру, ядра (школьники натаскали их множество): как отличить русские от английских? Вопрос серьезный, спор долгий, но в конце концов Ваня Ситников из 10-го класса — сын рыбака и сам рыбак — находит простой ответ:

— Если ядро со вытиснено, — значит, им стреляли. Это — английское. Если круглое и лежит у нас на земле, — значит, им не стреляли. Это — наше.

Десятиклассник Саша Хренов относился к археологическим увлечениям друзей со «звездой» снисходительностью. Но настал день, когда и он пошел к Ване Ситникову и прочитал ему первую наброски поэмы о Гагарке.

— Ну, что ж, — сказал Ваня, прочитав стихи, — может, это и будет первый памятник Гагарке — литературный... Писни, Саша.

Однако остальные ребята, хоть и уважали литературу, мечтали о гранитном памятнике герою. А для этого надо было доказать, что Гагарка существовал в самом деле, что подвиг его не просто легенда. Примерно к такому решению и при-

шли они на внеочередном комсомольском собрании.

4 Секретарь Кольского райкома партии Александр Сергеевич Смирнов привоз юным краеведам подарок — старинную книгу. Титульного листа не было, но Александр Михайлович, только перевернув страницу, сразу определил: книга путешественника Харузина о Кольском полуострове.

Подарок был как нельзя кстати. Пожалуй, никогда за всю историю Коль здесь не увлекались так исторической литературой. Ребята надеялись найти упоминание о подвиге Гагарки в книгах. Мальчишки и девочки, старшиеклассники и младшеклассники, давно уже рыскали по библиотекам и клубам, читали все, что могли достать. Интерес к истории стал поистине всеобщим.

Секретарь райкома — огромный, статный, басовитый — с улыбкой рассказывает, как и кто, невзирая на занятость, «встранил» школьники в свои краеведческие дела. Бедня, вот, в сазанский колхоз «Вымус», на восток Падуи. Беседовал с колхозниками о трудностях, о новых стройках. А потом сам не заметил, как разговаривал об истории. И старик-сама Пинаур Толстиков поведал ему о жалованной грамоте Ивана Грозного на право «беспопашного, бесданного лова бедуги на Падуе». Старик помнил грамоту чуть не наизусть, по рассказам отца и деду. Потом появилась на столе и книга Харузина...

Недавно комсомольцы пригласили Александра Сергеевича к себе в школу. Они просят его — нынешнего секретаря райкома и нежного комитанта партизанского отряда «Большевик Эмпиляри» — рассказать о борьбе колых с фашистами. Они поспешили ищут следы Гагарки, но хотят все узнать и о другом герое — смелом разведчике из «отряда товарища С.», десятикласснике Колье Кузнецове, который в 1943 году под Танкопером подорвал гранатой себя и окруживших его фашистов...

ОКОНЧАНИЕ СМ. на 3 СТ.

МАЛЕНЬКИЕ МИЧУРИНЦЫ

Показать в стихах труд, показать его так, чтобы пробухнул в ребенке любовь к труду, — задача прекрасная, но не легкая. Рядущие ясности и свежести стихов Н. Кистяковской, сумевшей передать живое, творческое участие юных мичуринцев в выполнении великого плана преобразования природы.

Для больших работ
Нужны мысли азвет,
Да рука бойца,
Да огонь в сердцах!

В каждом стихотворении Н. Кистяковская показывает какой-нибудь отдельный момент из общей, дружной и веселой работы ребят в саду, в поле, на огороде.

Посадили яблоньку. Ранней весной чуть было не погибла она от мороза, да вовремя спас ее юный мичуринец — развел под ней костер, обогрел ее, и вышла яблонька.

В сад цветущий школьники превратят
Страну,
Если каждый вырастит яблоню одну.
(«Яблоня»)

Разнообразна и увлекательна работа мичуринцев. Они собирают семена деревьев, выращивают ветвистую пшеницу.

Н. Кистяковская. «Мичуринцы». Крымиздат, 1950, 32 стр.

Они воюют с грызунами-вредителями, собирают оставшиеся после жатвы на поле колоски, работают на птичьем и скотном дворах, ухаживают за конем.

Порой встречаются не совсем звучная рифма и какой-нибудь нечеткий оборот речи. Некоторые стихи могли быть короче, — автор еще не умеет экономить слова. Но главного у этой книжки отнять нельзя: ее доходчивости, искренности, призыва к содружеству в труде, умения автора найти яркий образ:

Даже не верится!
Из семечка — деревце!
А мотылек весь —
Это хвойный лес.
И лежит на весах
Лесная полоса...

И будь эта книжечка получше оформлена, напечатана на хорошей бумаге, с другими рисунками (рисунки О. Грачева и Н. Ляжковского сами по себе неплохи, но только нет в них праздничности, нет яркости), она могла бы доставить много радости младшим школьникам.

Было бы правильно, если бы Детгиз издал эту книжку с хорошими иллюстрациями, поручив вдумчивому редактору поработать с автором.

Е. ПЛОТНИЦКАЯ,
библиотечный работник
МОСКВА

Был поздний вечер. Бабушка, забывшись в угол, вязала свой вечный чулок. Мы спорили с Михаилом Михайловичем о литературе. Михаил Михайлович, человек начитанный и не лишенный остроумия, предложил нам, пяти студентам, поочередно определять, кому принадлежит эти строки:

1) Не говори, что нет друзей в живых,
Скажи: они еще не умирали.

— Надсон, — уверенно ответил один.

2) Знаю — любимому городу счастье...
— Маяковский! — предположил второй.

3) По звездным волнам океана
К причалу далеко плыть.

— Лермонтов? — спросил третий.

4) Стихи о России
Твоей красотой заколдован,
Другой не ищу красоты.

И хочется снова и снова
Смотреть в дорожные черты.

— Блок, — безапелляционно заявил четвертый.

5) Не только тебя это сердце любило, —
Оно необъятному спутнику было,
Оно неизвестному имя дало...

— Не Тютчев ли? — неуверенно добавил пятый.

— Но самое интересное я привержу для поэта, — лукаво подбавившая глазами, сказала Михаил Михайлович. — Все эти строки, — он сделал интригующую паузу, — все эти строки принадлежат одному и тому же поэту, нашему с вами современнику.

— Впрочем, я могу вам помочь, — коварно улыбаясь, продолжал он. — Вот несколько названий его стихов: «Дума», «Осень», «Родина», «Парус», «Утес», «Спор», «В долине Грузии...».

— Это и мне что-то напоминает! — сказала бабушка, отрываясь от вязания.

Наконец, Михаил Михайлович не выдержал:

— Да это же Аполот Гарнакерьян! Ростковский поэт. Тот самый, между прочим, что сказал, кляня на стихи природы:

...я к бессмертию причастен
И, возможно, больше, чем они.

А подробно с этим поэтом вы можете познакомиться, прочитав сборники: «Литвины сквозь радугу», «Советский писатель», 1946, «Стихи и поэмы», Росткидиз, 1947, «Весна идет», Росткидиз, 1949 г.

В. ОГНЕВ

Выборы бюро
московских секций ССП

В Союзе советских писателей СССР состоялись выборы новых бюро секций московских литераторов.

В бюро московской секции прозы выбрали В. Ажаева, Н. Богданова, М. Бубенкова, Н. Емельянова, В. Ильенкова, В. Кернера, Э. Казакевича, В. Ковалевского, Ю. Либелинского, Е. Малицына, А. Митрофанова, К. Паустовского, К. Федина (председатель бюро секции), А. Чаковский, И. Эренбург.

Секция поэзии избрала в свое бюро М. Алигер, С. Васильева, Н. Грибачева, Е. Долматовского, А. Жарова, В. Ибнера, М. Исаковского, С. Кирсанова, М. Кукушкина, Л. Ошанина, В. Перцова, М. Светлова, С. Смирнова, С. Щипачева (председатель бюро секции), А. Яшина.

Секция поэзии избрала в свое бюро М. Алигер, С. Васильева, Н. Грибачева, Е. Долматовского, А. Жарова, В. Ибнера, М. Исаковского, С. Кирсанова, М. Кукушкина, Л. Ошанина, В. Перцова, М. Светлова, С. Смирнова, С. Щипачева (председатель бюро секции), А. Яшина.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

Бюро секции очерка и публицистики избрано в составе: В. Ажаева (председатель бюро секции), Н. Атарова, А. Бек, Р. Бернштейна, Е. Босняцкий, В. Васильевский, Б. Галин, Е. Дорон, Д. Заславский, М. Златогорова, И. Ирошников, М. Колодз, Л. Кудрявцева, К. Львова, В. Полторацкий, И. Рабов.

Новое бюро секции научно-художественной литературы избрано в составе: Ю. Вера, В. Захарченко, М. Златогорова, С. Иванова, М. Ильин, А. Казанцев, Н. Михайлов (председатель бюро секции), В. Немцов, В. Орлов, В. Охотников, В. Сафонов, В. Сытин, Н. Точан, Г. Фаш.

ВОЕННЫЕ ХУДОЖНИКИ

Неуязвимость подвига Советской Армии, совершенные в годы Великой Отечественной войны. Рядом с воинами шли в бой художники из студии имени М. Б. Грекова. Война явилась для грековцев большой школой не только жизненной, но и творческой. Вот почему посетитель открывшейся недавно в залах Академии художеств СССР выставки студии военных художников имени М. Б. Грекова как бы становится живым свидетелем тех событий, которые послужили материалом для вдохновения художников.

И на этот раз нас радует, например, картина молодого художника Б. Неменского «Друзья-однополчане», с большой выразительностью изображающей дружный коллектив бойцов; они составляют одну семью, у них одинаковые стремления, но в то же время они не обезличены, у каждого из них есть что-то свое, каждый думает, чувствует, радуется и грустит по-своему. Очень удачна одна из последних работ К. Кляйды — портрет О. П. Котовского. Героическим темат посвящены свои работы Н. Обрыньба — «Разгром гитлеровских войск на реке Истре под Москвой в 1941 г.» и В. Богаткина — «Штурм рейхстага». Большой интерес представляет картина И. Лукомского — «Клятва сталинградцев И. В. Сталину».

С подлинным блеском выступили графики студии имени М. Б. Грекова — П. Баранов, В. Бикиков, В. Богаткина, П. Кирпичев. Многообразие художественных средств В. Богаткина, создавшего замечательные серии «Москва в 1941 году», «Ленинград в дни блокады», «Штурм Берлина», говорит о нем, как об умном, даровитом мастере. Запоминаются рисунки П. Баранова «Героический Севастополь».

Среди других скульптур выставки выделяется новая работа И. Першутчева — «И. В. Сталин». Скульптор сумел показать в облике вождя замечательное соединение большого человеческого обаяния, простоты и могущественной силы.

Наконец, всеобщий интерес вызывает макет генерального плана памятника воинам Советской Армии, павшим в боях с фашизмом (Берлин). Это выдающееся произведение скульптора Е. Вучетича отличается смелостью и широким размахом.

М. МАНИЗЕР

НА КРЫЛЬЯХ ПЕСНИ

Верная спутница наших людей в труде, в бою и на досуге — советская песня становится все ближе и роднее сердцам людей всего земного шара. Немало песен, которые стали в полном смысле слова крылатыми и облетели весь земной шар, получили крещение в Краснознаменном ансамбле песни и пляски Советской Армии.

Новую программу ансамбль открывает песней своего руководителя композитора Б. Александрова «Великому Сталину — слава!» С волнующей одухотворенностью

своей, после резкого разговора с вчерашней кондукторшей, выдвинутой на диспетчерскую работу. Девушка-то оказалась поумнее, — у нее государственный взгляд на дело, а он по-ведомственному подошел, да еще обормотал...

«Какой, в сущности, нехороший прием: поймай человека на неудачной фразе и этой неудачной фразой доказывай собственную правоту...»

С особенной настойчивостью Анатолий Рыбаков подчеркивает жизненно-образное значение и силу принципиальности. Именно силой принципиальности Поляков спутал карты проходившим Вертигину, опрокинул его жульнические комбинации. Прямая и последовательная позиция Полякова мешает и склоку, затеняющей Канунников. Эта принципиальность директора автобазы спасает и попавшегося человека — шофера Максимова.

Целая галерея руководителей — от заместителя председателя облисполкома до линейного диспетчера на шоссе — показана — показана на страницах романа.

Ведь руководить в нашем обществе — это значит не только руководить по праву старшего, по праву приказа, но и по праву авторитета, завоеванного инициатором нового, человеком, сумевшим сыграть во круг общего дела других людей.

В самом деле, по какому приказу становится хозяином на дворе «чужого» кирпичного завода грузин Кирозе?

«Здесь был только один авторитет — умение», — пишет Анатолий Рыбаков о моторном пехе автобазы и его руководителе Печелинине. Это определение распространяется на все отношения между людьми в романе, оно охватывает и самый тонкий, самый поэтический эпизод — пощечку в поле возле машин двух шоферов — Демина и Воробьева.

Демин — наставник и воспитатель Юрия. Смена ночлега, где лучший водитель базы, желая покорить девушку-шофера, возится около ее ветхого «кодуна», раскрывает Юре секреты своих рекордов, полна юмора и лиризма.

2

Можно не соглашаться с манерой автора давать портреты — и Юрия и других героев, — слишком много стертых определений: «небольшая», «широкая в кости», или «длинные черные волосы придавали его серым глазам», или волосы «придавали его голубоглазому лицу», или «это был среднего роста», «она была в том среднем возрасте» и т. д.

Можно оспаривать также неизбежность некоторых патетических отступлений, резких сентенций в конце каждой главы, хотя они — не от бедности содержания, которую надо как-то скрывать рассуждениями, а скорее от недовольства в собственном изобразительных средствах.

Слишком поспешили автор на изображении семейной жизни героев. Здесь Анатолий Рыбаков повторяет довольно распространенный в нашей литературе трюк, который можно объяснить (но никак нельзя оправдать!) всепоглощающим интересом к теме труда.

Однако главный упрек должен принять автор по поводу механического решения судьбы бюрократов Канунникова. Нельзя примиряться с тем, что автор освобождает коммунистов автобазы от активной борьбы со склочничеством и дезорганизатором. Безразлично неумелость Полякова не может быть оправдано тем, что «принимать меры — значит раздвигать склоку. На это некогда отвлекаться». Образ Полякова крайне проигрывает от этого.

И все-таки ошибки и несовершенство романа не определяют итога. Он поддается по своим статьям оптимизму.

Враги коммунизма пугали человечество всеобщим мраком, нигилизмом, ниспровержением. Бессмертная душа человека, горюющая в тлеющей плоти, пойдя в тонкую коллективизацию.

Нам действительно опровергает старую легенду. Наша жизнь рождает литературу, которая на своих страницах,

Анатолий Рыбаков. «Водители», «Октябрь», 1950, 1, 2, 3, 1950.

1

Николай ТИХОНОВ

Четвертого апреля свободный народ Венгерской республики справил великое торжество — пятидесятилетие освобождения родной страны.

На горе Геллерт, высоко над Будапештом, стоит памятник советским воинам — освободителям венгерской столицы от фашистского ига. У его подножия лежат венки и стоят часовые. Сзади памятника стена пьедестала, вся в шрамах и рубцах, как напоминание о подвиге, совершенном людьми, прошедшими от берегов Волги до берегов Дуная.

Внизу под горой в темном дожде вечернее туманное блескит широкая река, и на ее берегах — отныне огромного города, где сегодня гремит и торжествует свободный труд свободного народа.

Только изредка вы увидите на больших улицах развалины, и то окруженные лесами. По освещенным улицам движутся люди, — вы слышите смех и шумный разговор, вы видите сияющие глаза молодежи.

В магазинах можно купить все, что хотите. Там продают много, покупают хорошо. Пять лет назад в этих магазинах стояли оттопавшие фашистские лошади, предназначенные в пищу незадачному гитлеровскому войводу.

Пять лет назад бугорками сидели в подвалах и грызли сухие корки, прислушиваясь к тому, как над их головами рушатся дома. Кровавые палачи на фашистского стана хотели стереть город с лица земли. В залах парламента они устроили баррикады, желая уничтожить это замечательное здание. Сегодня в тихой дымке вечера парламент, восстановленный с великим трудом, со своим бледным куполом, посвященным электрическим лампам, возвышается над Дунаем, и его черные башни возносят свои длинные шпили в темное небо, как будто он никогда не знал ужаса разрушения.

Не просто было восстановить его сотни комнат и зал, облицованных лучшими сортами дорогого дерева, бесчисленные левенные орнаменты, огромные фрески, цветную мозаику, высочайшие лестницы и широчайшие окна.

В Национальном музее посреди большого зала стоит великий — коня знаменитой статуи Колонны. Великий без руки. Кругом него шед рукопашный бой, дрались из зала в зал, граната оторвала руку. Сегодня он сидит в кресле, такой же гордый и грозный, как будто вспоминает дни, когда, окутанный пороховым дымом, он, потерявший руку в бою, приветствовал своих освободителей с красными звездами на касках — освободителей, спасших для венгерского народа сотни и тысячи драгоценных произведений искусства. По залам музея идут экскурсанты, картины висят на стенах, статуи стоят на месте, все как было, все в порядке.

Жизнь продолжается, но это уже новая жизнь. Она свежа и величественна, как длинный, величественный проспект, окаймленный деревьями, уходящими вдаль, проспект, носивший имя великого Сталина.

Какое бы ни было время года, но в Венгрии сегодня дует ветер весны. Над старым Будапештом, над Хортиадской публичной (театром), над широкими стенистыми просторами, над лесом заводских труб Чепеля, Уйешта, над горами Матри и Бала-тошскими берегами, над маленькими селениями и большими городами проносится этот весенний ветер и веселит сердце простого человека, который отныне твердо верит, что проклятое старое никогда больше не вернется.

2

Направо и налево лежат плоские поля острова Чепеля, как будто для того, чтобы подчеркнуть поднимающиеся непрерывными рядами высокие стены чепельских заводов.

Эти заводы не похожи на советские индустриальные гиганты, где господствует новейшая переловая техника. В них много еще старинки, но черты нового — на каждом шагу. На стенах нехот — большие портреты Ленина и Сталина, портреты Ракоши, украшенные лентами, иногда нарисованные местными художниками из рабочих.

Грохот трубопроводного цеха, оглушающий лязг металла, расклеванные брызги, белые туманы, ложившиеся рядами. Пожилой рабочий в перерыв держит над обрубками расклеванной трубы скорую руку, на которой лежит большой кусок свиного сала. Он подмигивает и говорит: «Что не работает, тот не ест. Вы думаете, это простая скорюшка? Нет, это диаграмма... Прежде я мог свей кусок на завтрак поджаривать в столовой джаме, а теперь, видите, какой мой завтрак! Это не скорюшка — это диаграмма нашего роста!»

В сталелитейном цехе точно солнце вается под вашими ногами — так ослепительно бегут лучи от металла вверх по стенке. Лезет сталь. В флюидное стекло видно: как волнопад, летит вниз ее потоки.

Здесь юный восемнадцатилетний литейщик Миклош Ковач дал за восемь часов работы 1466 процентов плана. Такого превышения нормы не знали никакие мастера прошлого. Слово «стахановец» живет здесь всюду. Оно пошло и к судостроителям, и к текстильщикам, и к шахтерам, и по всей рабочей Венгрии.

Рабочие, как и крестьяне, выполняют трехлетний план, и теперь на очереди — план пятилетний. Учиться советскому опыту, непрестанно совершенствовать технику труда — это твердо знает венгерский передовик производства. С каким вниманием он слушает слова и советы советского мастера, прославившегося ставленца или знаменитого советской техники!

Строятся новые заводы, где уже нет остатков техники, где другие навыки и другие темпы. На старых заводах новаторы производства стараются изжить печальное наследие, поднять производительность труда, добиться новых успехов, выжать все, что можно, из старых, измотанных машин и станков. Это неслучайно, но десятки тысяч районизаторских предложений, что вносят рабочие ежедневно, их самоотверженный труд — залог того, что они достигнут победы и свершат свое дело.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

3

Да, весной уже дышат широко просторы пусты. Снега уже нет, липкая черная грязь чавкает под ногами, деревья еще голы, в небе больше прохладные облака. Сильные лошади легко несут небольшую тяжелую повозку к каменным длинным строениям.

В этих чистых помещениях лежат и стоят коровы и быки — гордость государственного хозяйства, порока, выведенная здесь, в Венгрии. Они необыкновенно велики, песочного цвета. Спина быков напоминает спины молодых слонов, так они широки. Подрубленные рога все равно громадные. Замечательные кони стоят в конюшнях. Четырнадцать тысяч овец имеются у госхоза.

Управленческие размещены в старой корчме. Это историческая корчма. На ее стене барельеф — портрет поэта Петёфи. Иже востанет приносимые ему в дар венки. Я с удовольствием вешаю свой скромный венок. В этой корчме Петёфи отдыхал, писал стихи и читал их таким же простым и гордым людям, как нынешние хозяева этих благоустроенных мест.

Внутри не осталось того убогства и порядка комнат, как во времена великого пения свободы. Корчма перестраивалась не раз, но это неважно. Важно то, что восторжествовало дело свободы, важно то, что победили эти люди, за счастье которых шел в бой певец-воин.

Рядом — мест с девятью арками, мест, о котором сложили народом песни. В этих песнях поется про счастье и неудачи, про счастливую и несчастную любовь. Я оглядываюсь по сторонам и вижу воды длинного озера, белые облака длинных гусей, топавшихся на воде, вижу госхозных лошадей, жадно нюхающих острый весенний воздух, пахнувший мокрой зеленью, вижу уверенных здоровых людей в серых барачных шапках, чернющих, с веселыми глазами, и мне все это кажется песней, еще не написанной, но уже звучащей вокруг.

...На другой день я стою в большой комнате бывшего помещичьего дома. В ней сейчас праздники производственного кооперативного земледельческого хозяйства. В комнате толпятся народ. Пионеры в красных галстуках поют по-русски советские песни. Это приятно и трогательно. На стенах нарисованы: «Да здравствует товарищ Ракоши!» и по-русски — «Да здравствует товарищ Сталин!», еще надпись по-венгерски — «Да здравствует советская партия большевиков!»

Они, эти крестьяне, объединились, чтобы строить социалистическое хозяйство. Они будут работать все вместе и будут брать пример с советских колхозников. У них большие руки и честные, открытые лица. Они одеты просто и чисто.

Выступающие говорят немного, но от души. Потом они показывают, как живут. Толпой идут мы по улице, которую мне хочется назвать колхозной. Девушки начинают петь песню, и мне кажется, что это и есть та вечерняя песня, у которой не было слов, а сегодня она уже их имеет.

В домах уютно, тепло. В самом помещичьем доме они показывают комнату, где стоит за столом молодой человек и молодая женщина. Женщина держит на руках младенца.

Несколько человек начинают говорить разом. Не сделали ли мы недовольство, войдя так неожиданно к этим молодым родителям? Нет, мы нарочно пришли сюда. Здесь праздник. Кооперативное хозяйство, которое только недавно образовано, дало рентабельную светлую, хорошую комнату, отремонтировано за неделю, — пусть новый член их объединения живет хорошо с первых дней своей жизни.

А где их техника? Трактор они возьмут в МТС. Они радуют. Таких МТС уже около трехсот, а будет в эти пятьдесят пятьсот. И у этих МТС будет более двадцати тысяч тракторов, будут машины, какие хотите. С этим можно жить и работать.

4

Новое глядит на вас повсюду. В театре зрители с жадным вниманием смотрят пьесу Сабо Пала «Гроза лета». Это первая пьеса о новом в деревне. Такого спектакля еще не выдала венгерская сцена. На сцене проходит волнующее и артистов

и зрителей картины классовой борьбы. Враги народа составляют заговор против передовых крестьян, и когда этот заговор раскрыт и все враги захвачены с поличным, театр разражается бурными аплодисментами.

В театре идет и первая пьеса на индустриальную тему, пьеса молодого драматурга Манди Евы «Люди будней» о рабочих Чепеля.

Венгерская литература еще не может похвастаться тем, что она идет вперед с производственными успехами страны, но эти две пьесы — тоже первые ласточки венгерской литературы.

Первую победу одержал венгерский кинематограф — в кинотеатрах демонстрируется картина «Лудаш Мати». Этот фильм создан по известнейшей поэме Фазекаша, написанной на основе народной легенды. Веселый, остроумный Лудаш Мати — народный герой, заставляет дрожь перед собой важного барина, венгерского сатрапа Дебрегн. В сценарии много народного юмора, он социально насыщен, фильм красочен. Этот фильм — настоящее большое произведение искусства.

...Наша делегация, обещавшая Венгрии, имея дело с самыми разными слоями населения, всюду встречала замечательно теплое отношение ко всему, что связано с Советским Союзом, советским народом. Горячей любовью окружает венгерский народ великого Сталина, освободителя Венгрии. Его портреты висят и в больших залах народных дворцов и в маленьких домиках рабочих предместий.

Семидесятилетие товарища И. В. Сталина трудовое соревнование венгерских рабочих стало массовым, потому что каждый рабочий хотел вложить свою долю трудового героизма в дело, которое с каждым днем приближает Венгрию к социализму.

Венгерские поэты выпустили специальный сборник стихов, посвященный вождю трудящихся всего мира.

Очень велика тяга в венгерском народе к советской социалистической культуре и к русскому языку. В Дебрегне я был радостно удивлен, когда в местном лицее ученики наперебой говорили по-русски стихи и приветствия. Кто очень хорошо, кто похуже, но каждый жалал произнести хоть несколько слов по-русски. Оказалось, что они, ученики лицея, при помощи своих преподавателей основательно изучали русский язык и привлекают к нему все новых и новых ребят.

Широко известны имена советских писателей и поэтов, особенно популярны имя Маяковского, стихи которого вышли в переводах в разных изданиях, для взрослых и для детей.

5

В просторных помещениях венгерского парламента шумно и весело. Это правительственные принимают в залах парламента людей труда, собравшихся со всей страны на первое совещание стахановцев. Они ознакомились по всем важнейшим вопросам стахановского движения, делились опытом, слушали выступления советских представителей-стахановцев, а теперь пришли в парламент после окончания совещания.

Они танцуют, поют песни, разговаривают, сидят за столами, уставленными прекрасной едой и прекрасными венгерскими винами, они веселятся, как умеют веселиться венгерские рабочие.

Здесь среди них и товарищ Ракоши, который знает их трудовые подвиги и с которым они заочно беседуют.

Председатель парламента увлекает нашу небольшую группу в глубины огромного здания. Мы остаемся шумные залы и идем так долго по пустым коридорам и комнатам, что последний отголосок шума стихает где-то вдали. В этих больших коридорах с высоченными потолками прохладно, и мы не можем никак понять, куда он нас ведет.

Однако он неумолимо идет вперед, и мы уже потеряли счет поворотов. Но вот он входит в темный, совершенно темный зал и просит нас подождать на пороге. В зале холодно. Из темноты гулко звучат его шаги, потом он находит выключатель, и зал внезапно заливается светом. Мы видим, что это зал заседаний парламента. Он пуст. Председатель парламента идет к трибуне и просит нас войти в зал. С трибуны он говорит: «Вы стоите там, где обычно сидят министры. Ну, ничего, присядьте на их места...»

Мы садимся. Он подходит к месту председателя и нажимает звонок. Звонок звенит в холодном зале самым обыкновенным звоном. Председатель говорит со своего места:

— Это обычный звонок, каким председательствующий напоминает оратору, что его время прошло к концу... А вот теперь слушайте...

Он нажимает сразу двумя руками какие-то кнопки, и что-то страшное рушится на нас. Это такой грохот, свист, рев, крик, долгий, отчаянный, что невозможно сидеть на месте. После двух минут такого рева можно только обратиться в бегство.

— Это, — говорит председатель, когда рева утихнет, — о-и я пригласил специально, чтобы заглушить голоса оппозиции. Я велел это оставить на память, не уничтожать. Мы их заглушили и без этого навсегда!

В его голосе торжество и уверенность победителя. Мы знаем, что он рабочий — слесарь, и может быть, именно в вечер стахановцев он должен был совершить эту прогулку в ночной парламентах зал.

...Да, о-и, то-есть все враги народной Венгерской демократической республики, заглушены, но они еще пробуют бороться и вредить при помощи своих зазевавшихся хозев. Они хотят, как и их хозева, разбить новую войну, утопить в крови все достижения венгерского народа.

Но «Венгрия» — не брешь, а прочная крепость во фронте мира», — эти слова Маттаса Ракоши помнит венгерский народ. Венгерский народ смело идет вперед, потому что дело мира и народы, борющиеся за мир, имеют великого родня и союзника в борьбе за мир, величайшего защитника мира во всем мире — Иосифа Виссарионовича Сталина!

ДОКЕРЫ ЗАКРЫВАЮТ ПОРТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО И АФРИКАНСКОГО КОНТИНЕНТОВ
ВООРУЖЕНИЮ И ВОЕННЫМ МАТЕРИАЛАМ, ПРИБЫВАЮЩИМ ИЗ США

Из-за океана в порты маршаллизованных стран Западной Европы отправляется из Соединенных Штатов оружие — необходимое дополнение к тому пушечному мясу, которое везут на европейском континенте мистер Трумэн и его подручные. Но докеры западноевропейских стран, стоящие в авангарде борьбы за мир, несмотря на все угрозы, отказываются разгружать продукцию зазевавшихся фабрикантов смерти.

Вот краткий перечень портов Западной Европы и Африки, где в последнее время докеры сделали поджигателям войны грозное предупреждение.

НОРВЕГИЯ

◆ ОСЛО. 6 марта состоялся большой митинг сторонников мира. Выступавшие призывали не допускать ввоза в Норвегию американского вооружения. На состоявшейся демонстрации молодежь несла плакаты: «Вон из Норвегии американскую военную миссию», «Норвегия должна выйти из Атлантического блока».

ДАНИЯ

◆ КОПЕНГАГЕН. 14 марта, выступая на митинге сторонников мира в Лондоне, лидер копенгагенских докеров Кристиансен заявил: «Я не сомневаюсь, что, когда в Данию придут американское оружие, копенгагенские докеры откажутся его разгружать».

ЗАПАДНАЯ ГЕРМАНИЯ

◆ ГАМБУРГ. 20 марта девять комитетов в защиту мира в коллективном воззвании призывали трудящихся Гамбурга отказываться от разгрузки и перевозки военных материалов.

◆ БРЕМЕН. Докеры приняли резолюцию, в которой выражали солидарность с бастующими докерами Франции, Италии, Бельгии и Голландии. Аналогичная резолюция принята в Бремерхафене.

ГОЛЛАНДИЯ

◆ ЗАНДАМ. 18 февраля состоялось массовое собрание трудящихся, которые вынесли резолюцию о поддержке портовых рабочих, отказавшихся разгружать пароходы с военными материалами.

◆ АМСТЕРДАМ. 25 февраля 15-тысячный митинг докеров и других рабочих принял резолюцию, в которой говорится, что они будут бороться за дело мира и откажутся разгружать американские военные материалы.

◆ РОТТЕРДАМ. 17 марта докеры на митинге подтвердили свое решение не разгружать американское вооружение. Местный комитет сторонников мира обратился к докерам восточного побережья США с призывом воспрепятствовать погрузке в порты Америки военных материалов, предназначенных для маршаллизованных стран.

ФРАНЦИЯ

◆ Оспираясь на всенародную поддержку, одновременно с антивоенными выступлениями в промышленности и на железных дорогах Франции, докеры Донкерка, Гавра, Шербурга, Нанта, Сен-Назера, Марселя, Ла-Рошели и других портов выступают против подвоза новой империалистической войны и приступают к активным действиям.

ИТАЛИЯ

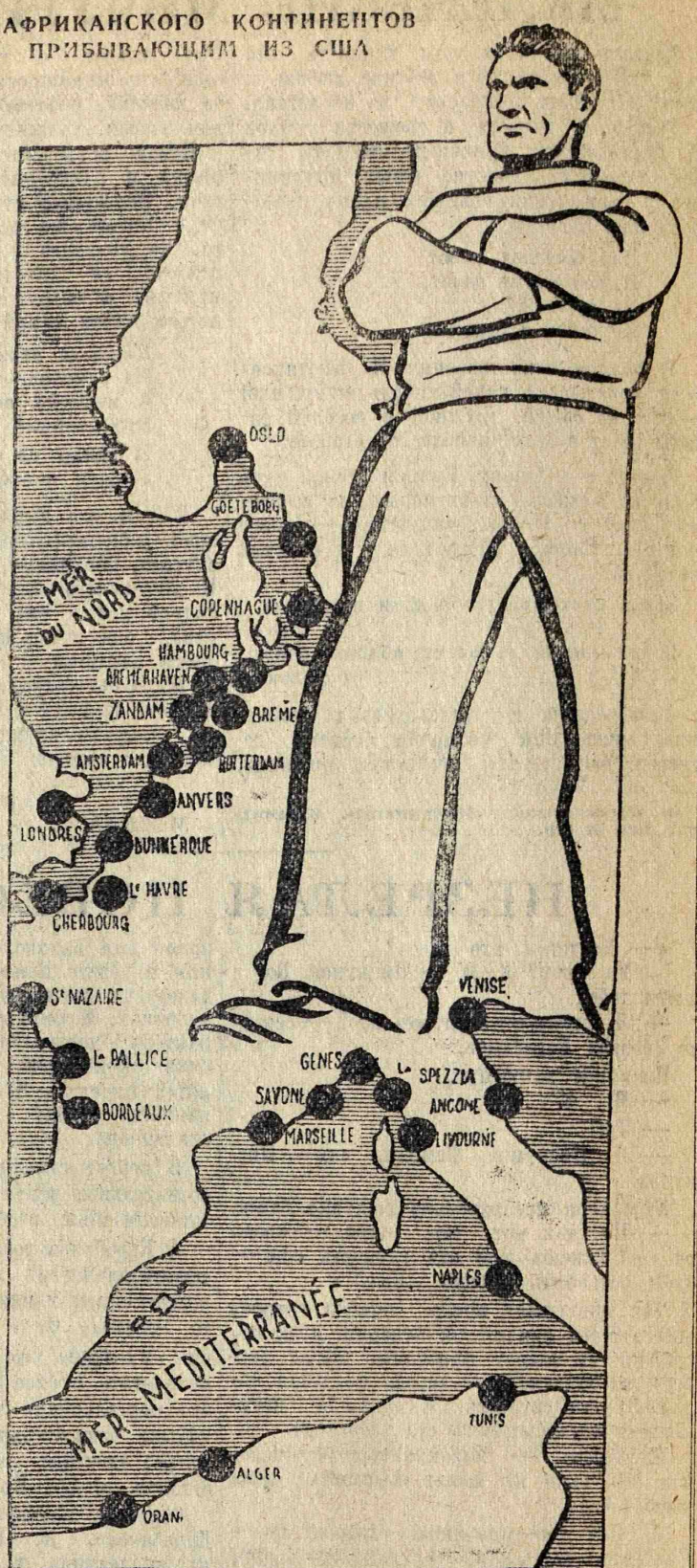
◆ АНКОНА. В январе докеры торжественно обещали не выгружать военные материалы.

◆ ГЕНУЯ. В конце января состоялась конференция портовых рабочих всех портов Лигурии — Генуя, Специя, Савонья, Империя и Вало. Принята резолюция, выражающая непреклонную решимость докеров не разгружать американское оружие и военные материалы, прибывающие в Италию.

◆ ВЕНЕЦИЯ. 8 февраля докеры дали торжественное обязательство не разгружать американское оружие, поставляемое Италией. Аналогичные резолюции были приняты докерами портов Бары, Бриндизи, Таранто и др.

БЕЛЬГИЯ

◆ АНТВЕРПЕН. 7 марта докеры на многотысячном митинге заявили о своем отказе разгружать американское вооружение. Полиция, прибывшая для разгона участников митинга, была обречена в бегство докерами.

На этом рисунке, взятом из французской газеты «Ля ви уэри», изображены фигура бастующего докера и карта портов европейского и африканского континентов, где рабочие заявили о своем отказе от транспортировки вооружения, прибывающего из США.

СЕВЕРНАЯ АФРИКА

◆ Докеры Орана, Алжира, Туниса высказались против разгрузки военных материалов.

С. МАКСИМОВ

Послужные списки финских министров

Клеветники из «Экономиста» и двойные клеветники из «Британского союзника»

Английский реакционный журнал, спекулирующий на фальсификации вопросов экономики и без достаточных на то оснований называющий себя «Экономистом», поместил 4 марта на своих страницах убогий пасквиль.

По мнению клеветников из этого «Экономиста», новое снижение цен в СССР вызвано «результатами учета в конце года товаров», также тем, что после подсчета «покупательной способности населения» появилась возможность «пойти на уступки» (12).

Будучи все же ошеломленными значительностью последнего снижения цен в СССР, клеветники из «Экономиста» вынуждены признать, что новые цены «сравнительно будут встречены потребителями». Однако тут же «Экономист» старается набросить тень на собственное признание, угрожающе изрекая: «Время покажет, что «люди могут фактически купить в магазинах».

К огорчению «Экономиста», а задолго до всех других, уже выступивших или еще только собирающихся выступить на эту тему зарубежных клеветников, мы можем довести до их сведения следующее: в марте, по сравнению с февралем, в 60 крупнейших городах СССР среднесуточное потребление мяса возросло в полтора раза, жиров — в два раза, шерстяных тканей — в два с половиной раза, обуви — в три раза и т. д. Таким образом, время уже показало истинную цену рассуждений и прогнозов «Экономиста».

Разумеется, не забота о благополучии советских граждан послужила поводом для упрямых «Экономистов». Рупор деловых лондонских Сити возмущает другое: а именно — повышение курса советского рубля в отношении фунта стерлингов. Здесь «Экономист» все еще пытается, сохраняя хорошую мину, несправедливо преувеличивать стоимость фунта стерлингов. Напомним, что и накануне девальвации, когда на парижской бирже давали за фунт всего 2 доллара 77 центов, в Англии продолжали публиковать «официальный курс», определявший стоимость фунта более чем в 4 доллара. Это упрямство ни на грош не помыслило реальную стоимость фунта; оно вызвало откровенную реплику органа американских денежных мешков «Уолл-стрит джорнал»: «Надеясь на англичан больше нечего, разве только США возьмут их на буксир — в качестве 49-го штата, с единой денежной системой — долларом и общей экономической политикой». Утешением «Экономиста» может служить лишь то, что судьба доллара ныне, мадам, чем отличается от весьма бедственной судьбы фунта.

Несостоятельность клеветников из британского так называемого «Экономиста», пожалуй, не стоило бы и доказывать, если бы помещенная ими статья не была с восторженной услужливостью перепечатана «Британским» так называемым «союзником» в номере от 19 марта.

Сотрудники «Экономиста», понапавши на своем острове — вдали от СССР и не видя дальних своего носа.

Сотрудники «Британского союзника», проживающие в Москве, лишены даже и такой возможности. Они каждый день наблюдают воочию советскую действительность. И потому их клевета на нее является злойстой двоянью.

ЭКОНОМИСТ.

Приход к власти в Финляндии правительства во главе с премьер-министром Рекконеном — третий акт плохо сстрипанного политического фарса. В первом акте президент Паскивиус лицемерно предложил образовать широкую коалицию из представителей социал-демократической, аграрной партий и Демократического союза народа Финляндии (ДСНФ). Во втором акте правые социал-демократы под явным издевательским предлогом, будто народные демократы «мешают» им устанавливать дружественные отношения с СССР (1), отказались от такой коалиции. И, наконец, ныне, в третьем акте, лидер аграрной партии Рекконен благополучно преподнес президенту правительственную комбинацию из аграриев, национал-прогрессистов и членов шведской народной партии — кабинет, представляющий интересы крупного капитала.

Премьер-министр Рекконен не впервые входит в состав финского правительства. В 1939 году он был министром внутренних дел в правительстве Рюти-Таннера, развязавшего войну против СССР.

Будучи позже председателем сейма, он не упускал, правда, возможности лицемерно покрывать антисоветский внешнеполитический курс Фагерхольма. Но теперь оказалось, что премьер-министр Рекконен забыл то, о чем говорил председатель сейма Рекконен. В правительственной декларации нет ни слова осуждения внешней политики Фагерхольма и его друзей. Новые люди будут лезть в старые дела.

Правительство Рекконена несет ту же канючую печать ревизионизма и американской ориентации, как и правительство его социал-демократического предшественника. Вспитание попрастакшего поколения поручено, например, министру просвещения — члену аграрной партии пастору Хельясу. В мае 1941 года член парламента Хельясу полностью одобрил заключение военного договора с Германией. А во время войны сей вождя в свертку пастора призывал не жалеть крови для разгрома «москалей».

Очевидно, подобно «заслуги» пастора Хельясу являлись лучшей для него рекомендацией, когда он в 1948 году отправился в визит в Чехословакию в качестве представителя финского парламента. Черчилль заверил Хельясу, что Англия никогда не обходила вниманием Финляндию, будь то посылка в Финляндию воемсот лет назад первого «просветителя» — английского епископа Генриха или же поощре-

ние к антисоветским действиям в последнее время.

Министром торговли и промышленности назначен председатель Национального банка Туомия — национал-прогрессист. Первый банкир Финляндии, он заключил с США на кабальных условиях долларовые займы, стараясь окольными путями владеть страной в «план Маршалла». Надо полагать, что англо-американские монополии вполне довольны деятельностью Туомия, ибо они терпят на посту председателя Национального банка только своих доверенных людей. Таковыми являлись бывший президент республики Рюти (современный английский и гитлеровский агент) и военный преступник Рангел — премьер-министр в 1941—1943 годах.

Военное министерство передано в руки финского фаршета — лапуаса Тинту. Свою военную карьеру министр начал в 1929 году: он был тогда членом штаба Босла, основоположника финского фашизма. Этот штаб поставил главарей для фашистских организаций Финляндии.

Министерство иностранных дел возглавляет депутат от шведской народной партии Гартти. Верхушка этой партии представляет интересы лесопромышленников и бумаго-целлюлозных фабрикантов, тесно связанных с англо-американским капиталом. В связи с этим шведская народная партия имеет нечто вроде монополии на руководство внешней политикой страны. Эта партия несет ответственность за политику бывшего министра иностранных дел Виттинга, который помог возвести Финляндию в войну на стороне Германии, и его преемника Рансала, всеми силами противившегося выходу Финляндии из этой войны.

Правительство Рекконена лицемерно утверждает, что оно способно удовлетворить интересы всех групп населения. Однако на деле оно ищет поддержки у крайне правой коалиционной партии, не входившей в правительство, представляющей интересы «двухсот семейств Финляндии». Председатель коалиционной партии Салминен уже обещал эту поддержку Рекконену в обмен за возмещение им «правильную политику».

Обилие в правительстве «людей 1939 года», спонсор Рекконена с правыми социал-демократами и коалиционной партией, открыто обличающей «тотальную дипломатию» американских монополий, — все это отчетливо показывает характер политики финской реакции.

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ, П. ФЕДОСЕЕВ.

Адрес редакции и издательства: 2-й Обиденский пер., 14 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — Г 6-47-41, Г 6-31-40, отделы: литературы и искусства — Г 6-43-29, внутренней жизни — Г 6-47-20, международной жизни — Г 6-43-62, науки — Г 6-39-20, информации — Г 6-44-82, писем — Г 6-38-60, корреспондентской сети — К 0-36-84, издательство — Г 6-45-45.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б-01059.